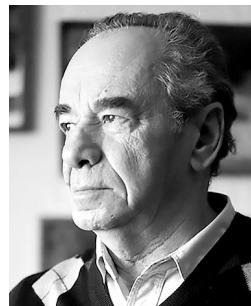

Олег

Тяцкиш

ПУТИ ПАРОМОВ

Томительная ночь позади. Утром спускаешься по гранитным ступеням. Ивы сплели зеленый коридор над головой. Он обрывается у набережной, где в глянцевой воде мерно покачивается плавучий вокзал. Путешествующий от острова к острову, ты так и не решился ни на что. Ты не можешь объяснить, куда хочешь плыть. Вывеждающая твой путь белокурая девушка, бойко лепечущая на непонятном для тебя языке, смотрит с недоумением, она высовывается из окошка – говорящий манекен в ослепительной витрине. Ты показываешь палец. Неужели непонятно? Один палец. На первый отходящий паром один билет. Биль, биль? – настойчиво вопрошает та, что решает твою судьбу. Наконец ты понимаешь – она хочет знать, будешь ли ты оплачивать машину. Ты с машиной? Ноу. Это удивляет ее. Здесь не путешествуют без своей машины. Сойдешь с парома – и как ты будешь передвигаться дальше, как одолеешь дороги, опутывающие острова? Стучит аппарат, на табло компьютера скачут цифры. Билет не просто бумажка, это небольшая книжка. Это твой единственный документ. В нем вписана твоя новая фамилия. Ты можешь плыть куда угодно. Но ты уже догадался, что в конце любого маршрута тебя будут ждать те, кто посланы так, на всякий случай, для подстраховки. И они поставят точку, если ты не решишь всё сам...

На табло загораются цифры. Звонкий голос что-то объявляет по трансляции. Переходной суставчатый рукав втянулся в раскрытые двери парома. Он поглощает немногочисленных пассажиров, бредущих молча, как на заклинание. Поднимаешься на шлюпочную палубу и смотришь на черную полоску воды, отделяющую паром от берега. На берегу не спеша сбрасывают толстые пеньковые канаты.словно ожившие змеи они скользят в клюзы. Паром медленно отходит от причала, делает круг и, встав на курс, пенит воду. Ты не знаешь номера своей каюты. Возможно, тебе и не дали места в каюте. Если нет машины, можешь обойтись и без каюты. Самый дешёвый способ передвижения – кресло на верхней палубе. Сиди и смотри на простор вод, сливающихся с небом.

Море всегда притягивало тебя. Раствориться в море – это не самый худший вариант. Если ты всегда любил море, его просторы, его свободу и его бесконечные накаты волн, если оно было твоей мечтой, то теперь ей дано исполниться, – ты сольёшься с ним навсегда. Хорошо плыть насколько хватит сил, устремляясь к отодвигающемуся горизонту, к скалистым фиордам, тающим вдали. Ощутить всем телом последние мгновения, осознать, что вода – тоже живое существо, впитавшее

твои последние мысли, твою судорогу, твой предсмертный страх. Этого были лишены многие твои друзья, покинувшие мир. Их плач в криках чаек. Птицы окружили паром, повисли над палубами – посланцы из другого мира. На крыльях своих они несут души моряков, вознося их из могильной купели, и жаждут выкричать всё, что не успели те сказать при жизни. Крики раздирают сердце. Крики избавляют от боли. Вот так бы встать на палубе и закричать во всю силу легких.

Молчание всегда тяжелее. Уже третьи сутки болтаешься между островами и молчишь. Никто не понимает твоего языка. Ты этого хотел. Они правильно рассчитали, те, для кого ты уже не существуешь. Уверенные в себе и в своей власти. Всему приходит своё время. Раньше им нужен был учёный, обязательно доктор наук, обязательно по экономике. И ты уверовал в миссию спасителя. Шум аукционов и бирж ещё звучит в твоих ушах. Пока человек живет, он не может рассчитывать на покой. И только для ушедших душ, если они не переселились в крикливых чаек, открывается заветный мир молчания. Скользящие немые токи овевают их бестелесность. Лучи, пронизывающие мир, словно рельсы метро, втягивают в себя потоки тех, кто закончил свой путь. Движение необратимо. Манивший мерцающий свет, как награда, ожидает в конце туннеля. Жалобы и стоны бесполезны. Их такое множество, что присоединение ещё одного ни о чём не говорит. Ещё не развеялся запах дыма из труб крематориев Освенцима и Дахау. Еще те предсмертные стоны не дошли до Всевышнего. Жди своего часа. После войны ты привык к длинным очередям. У каждого на ладони невидимыми чернилами написан свой номер. У тех, чья очередь впереди, номера были выколоты на теле.

Об этих номерах вспоминает твой случайный попутчик, пассажир парома, тучный поляк, на вид интеллигентный, но весь какой-то растрёпанный, с распущенным узлом галстука. Он преследует тебя как тень. Он догадался, из какой ты страны. Он знает твой язык. Он был в Сибири. Вы можете понять друг друга, но не хотите. В его душе стоны Катюни. Он настойчиво предлагает выпить. Ты скрываешься от него на верхней палубе.

Поначалу казалось – так легко закончить счёты со всем, так просто исчезнуть здесь, в сердцевине морей. Прыжок за борт – и паром продолжит путь без тебя. Но днём, при ослепительном свете солнца, нельзя уйти незамеченным. Сразу будет объявлена тревога: человек за бортом. Паром затормозит свой путь. Спасательные круги полетят вслед тебе. Заскрипят тали, спуская на воду шлюпки. Ты причинишь столько беспокойства людям. Ты станешь поводом для всех пересудов и разговоров. Вокруг столько детей – как объяснишь им всё происходящее. Ты не решился ничего сделать вчера, и сегодня опять стоишь и смотришь на пенящуюся у борта воду. Единственное, на что тебя хватило ещё на первом пароме – это незаметно, тайком выкинуть за борт портмоне с документами, паспорт с визой, ключи – лёгкий всплеск не привлёк ничего внимания. Ты отрезал себе путь к возврату. Ты человек без фамилии, без гражданства. Ты ждёшь наступления ночи. Так проходит ещё один день, не ставший последним.

Ночью паром весь освещён огнями, мерцающие гирлянды повисли на мачтах, яркие глаза прожекторов устремлены вперёд, по ходу движения, голубоватые огни дрожат в окнах ресторана на прогулочной палубе, яркие всполохи красных искр вспыхивают в зале на ночной дискотеке. Там мечутся тени. Танцы на воде – что может быть романтичнее? Музыка несётся над ночным морем – но это уже не для тебя.

Встать незаметно на леера невозможно, на всех палубах прогуливаются полуночники. Надо вскочить рывком на фальшборт – и вниз, в бурлящую темноту воды, но в ногах уже нет прежней прыти. Они не способны на прыжок. Надо перешагивать. Уже занесена одна нога. И вдруг окрик из темноты – это появляется полупьяный поляк, в руках у него бокал. Он протягивает его тебе. Он говорит о том, что сегодня – полнолуние, что настала ночь всепрощения. Ты берёшь бокал. Несколько глотков – и всё теплеет внутри.

Теперь ты его должник. В полутёмном баре громкая музыка не даёт вам говорить. Ты избавлен от расспросов. Поляк засыпает, поникнув головой на край стола. За окнами постепенно развеивается мрак ночи. Яркая луна становится бледным пятном.

В рассветной дымке на пути парома встаёт очередной остров. Длинная каменная гряда на горизонте постепенно растёт. Начинаешь различать цвета – красные крыши домов, серые крепостные стены с жёлтыми башнями, зелёные парки. Этот остров, как выясняется, и есть конечная цель парома. Ты понимаешь это, когда все пассажиры тянутся к выходу. Объявления по судовому радио прошли мимо тебя. Набор непонятых звуков. Чужой мурлыкающий язык.

Не хочется возиться с багажом, да и нужен ли он тебе. Твоя сумка одиноко приткнулась к столику. Никто её не возьмет. Она совершит ещё несколько рейсов. Если нет документов, то вещи уже ничего не решают. Поток людей увлекает на берег. Ты сворачиваешь к билетным кассам. Надо опять брать билет. Никто не понимает тебя. Ты мечешься от одной кассы к другой. Через час выясняется, что никаких паромов сегодня не будет. Никуда. Ни на один остров. Тебя направляют в отель. Боятся, что ты останешься возле касс. Им пора закрываться. Ты пытаешься объяснить, что у тебя нет документов и тебя не поселят в отель. За долгие годы жизни в своей стране ты привык к паспортному режиму.

Здесь всё проще. Ты поднимаешься по взгорью к большому светлому зданию, похожему на королевский дворец. В пустом вестибюле появляется улыбающаяся рыжеволосая женщина. Она искренне обрадована. Поток английских слов низвергается на тебя. Она говорит слишком быстро. Никаких документов не требуется. Тебе нужно только заплатить. Никому никакого дела нет до цели твоего приезда, ничего не надо заполнять. Почти все номера в отеле пустуют. Ты можешь вы брать любой. Ты желанный гость. Живи здесь хоть вечность, если есть валюта.

В просторном номере – добротный письменный стол, черное дерево отбрасывает блики, в углу затаился телевизор. Посередине – широкая кровать. На столе раскрыт рекламный буклет – виды города, расписание паромов. И в расписании чётко обозначено – сегодня есть рейс на тот остров, куда ты тщетно пытался купить билет. Можно ещё успеть. Ты сбегашь вниз и мчишься напрямую через аккуратно подстриженные газоны от гостиницы к причалам. Кассы закрыты. Но выясняется, что есть ещё одна пристань – от неё отходят паромы другой судоходной компании, ты мог бы успеть, если бы узнал это сразу. Теперь поздно. «Вот, смотрите, – показывает тебе местный матрос, – вон там, почти на горизонте, видите, точка? Это “Вестфалия”. Ушла полчаса тому назад». Матрос довольно-таки неплохо изъясняется по-русски. Он сочувствует тебе. Не хочется с ним расставаться. Но его зовут, он на работе. Ему ещё надо растащить по кнехтам причальные канаты. У него вздёрнутый пухлый нос и веснушки на лице. Он так похож на Кирилла. Бедный Кирилл. Лучше бы он был матросом. Теоретик,

пишущий стихи. Попытки уехать на Запад кончились ничем, слишком долго он работал в номерном ящике, слишком многое знал. Работал на оборонку, теперь его работа никому не нужна. Он узнал об этом раньше всех, залез в ванну и резанул вены. Розовые припухлости на запястьях казались простыми волдырями. Абсолютно белое лицо и красная вода. Никто не хотел верить в такой конец. Ты стоишь и вглядываешься в матроса. Руки, покрытые белыми шрамами. Нет, на запястье, кажется, ничего. Впрочем, издали не разглядеть. За год перед смертью Кирилл хотел устроиться на траулер, визу не открыли. Всё время он хотел быть матросом. «Эй, – окликаешь ты того, кто так похож на Кирилла, – эй, я подожду тебя!» Но матроса уже нет, он так неожиданно исчез, будто провалился сквозь настил причала.

Восемь часов вечера. Как быстро промелькнул день. Ты ещё ничего не ел. Во рту сухо, сейчас бы кружку холодного пива. Спросить, где его можно купить, не у кого. На твоём пути ни одного человека. Впечатление такое, что жители покинули город. Все взяли билеты на «Вестфалию» и отплыли. Мостовые блестят. Несмотря на отъезд, перед своим исходом жители успели их вымыть с мылом. Игрушечные дома, покинутые ими, взбираются на взгорье и тонут в сочной зелени садов. Серый утёс слева повис над невидимым отсюда морем. В ещё светлом небе плывёт большая луна. Ты вспоминаешь – сегодня полнолуние. В такие ночи лучше не выходить из дома, обычно говорила мать. Тебя уже ничего не страшит. И некому остерегать тебя. И мать, и отец – давно уже там, за этой пугающей призрачным светом луной...

Пустой город завораживает тишиной. Мостовые так чисты, будто по ним никто никогда не ходил и не ездил. В освещённых неоновыми лампами витринах магазинов всё, что угодно, рядами – холодное пиво, испарина на стекле бутылок. Но все магазины закрыты. Двери всех домов тоже закрыты. Но вот впереди большое здание, надпись на фасаде буквами из меди переводится легко – Народный дом. Стены заклеены яркими афишами. В широких окнах стерильный голубой свет и никакого движения внутри, ни одной даже самой мимолетной тени. Если заблудишься, не у кого будет спросить, как возвратиться в отель...

И вот наконец на взгорье перед тобой обитель с открытыми дверями. Старинные резные двери окованы почерневшей медью. Тыходишь в них – и сразу попадаешь в царство зажженных свечей. Это костёл. Высокие своды, деревянные отполированные временем сиденья, алтарь – и в нем двенадцать апостолов выстроились перед тобой. В костёле совершенно пусто, ты зажигаешь свечи за тех, кого уже нет. Ты сбился со счета. Свечей не хватает. В горле сухой жёсткий ком.

Позади тебя строгое деревянное распятие парит в воздухе. Ты поворачиваешься и видишь страдающее лицо. На стойке у переднего сиденья лежит толстая книга – Библия. Смотришь в раскрытую страницу. Значки незнакомых букв. И вдруг в начертаниях слов проступает смысл нетленного текста. Книга судеб едина для всех. Яростные проповеди пророков, кровь и озарения, история падений и взлетов, тяжкий путь к истине. Надо быть распятым, чтобы тебя поняли, претерпеть муки ради других, ради правды. Можешь сидеть в этом соборе все оставшиеся дни. Сюда никто не войдет из тех, кто захочет преследовать тебя. А можешь взойти на утес, он как раз за костёлом, вскарабкаться по камням на самую вершину... Время падения, длящееся мгновение, растянется на всю земную жизнь, она повторится внезапно вырванными кадрами, в которых ничего нельзя уже изменить...

Ты выходишь из костёла в сгущающуюся темноту чужого города. Ничего нельзя изменить. Ты ведь захотел тогда славы, признайся. Было всё – и кафедра, и ученики, и признание. Захотелось стать спасителем. Давно разработанные матрицы развития так легко могли быть использованы. Взлёт экономики. Локальные зоны. Разрешено всё, что не запрещено. Ты задумал накормить народ тремя хлебами. А за твоей спиной спокойно гнали лес и янтарь по дорогам Европы. Им нужна была просто фигура для прикрытия. Авторитет. Слово, опошленное блатным его значением. У всех них был в ходу воровской язык. Язык, который ты ненавидишь. Они и тебя пытались приучить «ботать по фене». Никто не хотел вникать в формулы и расчёты. Зато они точно знали, что можно присвоить, и наизусть помнили свои счета в бельгийском банке. Ты пытался делать не то, что они хотели. Тогда поняли, догадались, что ты не желаешь быть директором «Фунтом». И на очередном банкете навис над тобой тот, который был до времени в тени и казался простачком, сжал ключицу до хруста, обдал зловонным запахом гниющих зубов и прошипел: «Забудь всё, профессор, и исчезни!» Рушащаяся пирамида была беспощадна. Исполнители должны были погибнуть под обломками. Вот и вся свобода. Матрица не имеет положительного решения...

Сухость и жажда раздирают глотку. Назад – в гостиницу. Только там можно, наверное, купить воды или пива. Все эти страхи и глупые размышления рождены жаждой. Перестань перетряхивать хламье из прошлого. Улыбнись, видишь – рыжекудрая хозяйка ждёт тебя. Она знала, что всё в городе закрыто, она припасла специально для тебя две бутылки пива. Она протягивает их, ты догадался, что ключ от номера может служить открывашкой. Ты поглощаешь пиво прямо здесь, в вестибюле. Тело оживает, наполняясь влагой. Вода умеет гасить жизнь, но умеет и продлевать её.

Возвращаешь пустые бутылки. Ваши руки на мгновение соприкасаются. У неё теплая бархатистая кожа. Твои пальцы скользят по ее руке. Она по-своему истолковывает соприкосновения. И когда ты уже собрался подняться в свой номер, протягивает глянцевого журнала. Раскрываешь его и сразу отталкиваешь назад. Даже смотреть неудобно, кошунственно. Но взгляд уже невольно схватил изображённое и отпечатал в памяти. Женские жаждущие губы, похотливые улыбки, обнаженные тела, вывернутые, доступные, порочные – под каждым снимком номер телефона. Одна из них удивительно похожа на Таю из железнодорожной школы. Выставленный оттопыренный зад и при этом застенчивый взгляд. Глаза с поволокой. У Таи тоже был такой взгляд. Всегда стеснялась. Убегала с пляжа, завидев тебя. Соединила вода. Первые объятия были в воде. Она притворилась, что тонет, ухватилась цепко за плечи, обхватила бедра ногами, счастливое детское узнавание друг друга.

До сих пор ты не можешь понять, почему она уехала в другой город. Там получила свой дачный участок. Всем начали давать землю. Дождальась. Она всегда была слишком задиристой, всем любила делать замечания, боролась за правду. Это её время пришло. Можно стало жить без оглядки. Она не захотела возвращаться. Сделала всё, чтобы соединить тебя со своей двоюродной сестрой. Они были так похожи, что ты быстро сдался. Жалеешь ли об этом? Вряд ли. Заменявшая Таю была терпелива. До последнего момента держалась. И только в этом году не выдержала, скрылась у матери. Ждёт, чем всё кончится. О Тае ты слишком быстро забыл. Были годы эйфории. Только что создали биржу, и ты возглавил совет ди-

ректоров. Шумные банкеты, обилие тостов, фуршеты. На один из банкетов Тая обещала приехать. Но потом – молчание. Ты не успел на её похороны. Нелепая, страшная смерть. Какие-то бомжи взломали дверь на её даче, играли там в карты. Она пришла, застала их, накричала, выгнала. А ночью они пришли. Известию о той трагедии не хотелось верить. Вину всегда надо принимать на себя. Если бы не отпустил, этого не случилось бы. А вдруг всё это было выдуманно? Захотела порвать окончательно, чтобы не искал, не домогался. Написала сестре – выручи скажи, что меня нет. Дачу могла поджечь сама. И вот теперь здесь, на островах, предлагает себя путешествующим. Надо только набрать указанный номер.

– Я-а, я-а, – кивает хозяйка отеля, рыжая бестия, а может быть, и не хозяйка, все разъехались – оставили дежурить, дежурить и соблазнять, – Бон Вумен, Бон Вумен, телефонирен...

Остальные слова непонятны. Пробируешь объяснить, что твои женщины далеко отсюда, что никогда не платил за это...

– Bravo, bravo! – восклицает рыжеволосая и опускает глаза.

Ты уходишь наверх. Садись за стол, листаешь рекламные буклеты. В папку для гостей вложены конверты, чистые листы бумаги. Можешь написать завещание, можешь сочинить письмо. Когда-то в студенческие годы ты любил писать и даже сочинил нечто вроде романа – глупая трата времени. В папке карта, разворачиваешь ее и садишься в удобное мягкое кресло. Включаешь торшер. Можешь продолжить путешествие. Вверху, на севере, пространство вод изрезано зубцами фиордов, на юге, внизу, заполнено пятнами островов. На каждом острове можно воссоздать свой Эдем. Причуды воображения могут подменить жизнь. Острова можно заселить теми, кого уже нет. А нужно ли их возвращать к жизни? Их, приблизивших падение империи. Оживить, чтобы отдать во власть мафии. Ведь все они были твоими друзьями и захотят вступить за тебя. Эдем – это утопия. А утопии всегда опасны. Сон разума рождает чудовищ. Захочешь равенства – получишь тех же паханов, которые будут распределять это равенство. Быстро присвоят райские сады красные директора, большевички приобретут твой Эдем. Ни ты, ни твои друзья, покинувшие землю, не захотите иметь с ними дело. Хватит.

Нет возврата твоим друзьям. Ты давно уже их оплакал. Они печально взирают на тебя с вышины небес. И тот, кто женился на девушке, которую ты любил, по тому что хотел стать тобой. Сердце его остановилось на пляже, переполненное солнцем. И другой, которого проткнули лезвиями. Кому-то пришлось не по вкусу его иудейская улыбка пересмешника. Кровь его пропитала землю под Невелем. И тот, кто захлебнулся в собственной ванне, кто был всегда пьян и даже смерти своей не почувствовал. В те годы все пили, и ты – тоже. Казалось, выхода нет – обречены, замурованы, закрыты железным занавесом. Пили, чтобы окончательно не превратиться в рабов. Не думали, что придет свобода. Были слишком наивны. Те, кто объявил свободу, быстро сообразили, для чего она нужна. Стало легче воровать. Вот и создали фирмы, биржи, пирамиды. Поверил ты, поверил поначалу и Кирилл. И был ещё один – молодой кандидат наук, обладающий необыкновенной памятью, все данные, все номера счетов, все тайны сейфов вмещались в него. Сердце его разорвалось в полете. Внуки железного Феликса сбросили своего казначея с двадцать четвертого этажа.

И ещё смотрит вниз сейчас тот, кто был лучшим другом, с которым столько переговорено, столько пройдено. Родственная душа. Математик от Бога. Талант,

сгубленный огненной водой, сжигавшей его почки. Спирт лаборатория получала без всяких проблем. Спирт не всегда был очищен. Теперь друг этот уже ничем не сможет помочь. В небесах друзей больше, чем здесь, на земле. Там все, кто учил тебя, там те, кто дали тебе жизнь – родители.

Они бессильны, они не могут воздействовать на оставшихся. Растворённые в общем потоке лучей, в лучшем случае они просто незримые судьбы.

Тебе же дано тело – его ощущения, радости и боли, восторги любви и гнусности падения. Ты насыщаешься или томишься от голода. Ты ищешь признания у себе подобных. Ты хочешь их похвал и сам не замечаешь, как тебя грабят. Они, твои коллеги, привыкли воровать. Раньше у государства, теперь у самих себя. Тебе дано обрести себя в другой ипостаси. Доселе случайные встречи сплетали путь твоей жизни. Он гибелен и для тебя, и для других. Ты теряешь друзей. Чтобы продолжить твою жизнь, прекращают своё существование рыбы, животные, растения. Ты не смог в суете и спешке отпущенных тебе лет остановиться и пасть на колени в раскаянии. Покаяние чуждо стране, где тебя взрастили. В стране, которая в отличие от этих скалистых островов обширна и непредсказуема. Ты давно слился с ней. Страна, где любой случайный спутник может открыть тебе свою душу, может стать другом, а может возненавидеть и броситься с кулаками. Совершить убийство и плакать над слезой ребенка. Может лобызать портреты пахана, уничтожившего миллионы. И может так распрямить спину, что все эти сподвижники пахана задергаются от страха, как жалкие черви, нанизываемые на острие крючка. Никому не дано до конца понять твою страну.

Чтобы почувствовать её лучше, надо из неё уехать. Очутиться в городе, где никто не понимает твой язык, сидеть ночью в гостинице над абсолютно белым листом и осознавать, что слова давно уже не подвластны тебе, что смысл их заменили цифры, хранящиеся в памяти, как на дискетах. Как сообщить свои мысли тем, кто ушёл в иной мир, как получить от них ответный сигнал? Зачем метаться среди островов, зачем оттягивать то, что должно произойти? Проще всего без метаний, сразу соединиться с ними, или, как писали библейские пророки, приобщиться к народу своему. Казалось, в миг, когда освободился от документов и море беззвучно приняло их, так легко и самому повторить этот путь. И всё же признайся, ты не можешь избавиться от глупого инстинкта самосохранения. Животный страх живёт в глубине твоей души. Не удивляйся, он присущ любому существу. Помнишь, как наловили раков? Любитель их – коммерческий директор, одарённый цепкой хваткой во всём, ловко вытряхивал их из бредня. Набили полное ведро. Черная вздрагивающая масса казалась единым существом. Потом обнаружили особи. Когда мыли их в раковине, каждый норовил уцепиться за поварешку, за руку, за кран – только бы вылезти, только бы выкарабкаться из таза. А когда вскипела вода в большом котле и туда бросили первую горсть – все остальные словно замерли. Уже не цеплялись, уже не рвались наружу из холодной воды в тазу. Ибо был им сигнал о страшной смерти от тех, кто, опрокинутый в кипяток, вмиг становился красным. От тех первых, кто шёл на гибель, как на освобождение. Хорошо быть первым. Не знать ни о чём и умирать без раздумий. Страшна не смерть, а её ожидание...

Оно, это ожидание, длится уже более года, с тех пор как понял, что тебя подставили, что твоё слово, твои формулы уже никому не нужны. Под твоё имя просто выкачивали деньги, и вина за всё это теперь только на тебе.

Ты распахииваешь окно. Ночная прохлада проникает в комнату, свет луны стал ещё ярче. Можно не включать лампу, всё видно и так. Читать трудно, но можно рассматривать карты. Архипелаг островов и причудливые, острые, как зубья пилы, выступы скалистого берега. Ты уже пересёк острова с юга на север – потом опять вниз, и, наконец, два последних парома прошли поперёк. Совершенно равные концы, будто крестился – от одного острова к другому. Путь твой образовал крест на голубом пространстве карты. Уже нет никакого смысла рваться на тот далекий остров, где, возможно, тебя ожидает западня. Прошло достаточно времени, чтобы понять, что там ты уже не появишься. Ты начертил крест в пространстве. Ты надеешься, что его увидели сверху. Теперь надо просто набраться терпения и ждать ответа. Пришлют тебе своего Харона – перевозчика до врат Аида, и тогда для уплаты за перевоз ты положишь в рот монету – так, кажется, делали твои далёкие предки. Возможно, теперь лодки не в ходу, их не хватает, и Харон управляет паромами. Но ведь паромы ходят туда и обратно. Никогда не теряй надежды. Это твоя привычка – диктовать условия. Забудь её. И никогда не раздумывай слишком долго...

Помнишь, перед отъездом – последняя попытка твоих так называемых коллег найти с тобой общий язык. Совместный отдых на природе. На двух машинах помчались к морю, не к тем пляжам, что забиты людьми, а в пустынную заповедную зону на косу. В одной машине ты и тот, который фактически теперь управлял тем, что осталось от биржи. Ты сел на заднее сидение, чтобы не ощущать гнилостный запах из его вечно улыбающегося рта. Тебе хотелось молчания, а он говорил без передышки – хотел заставить тебя поверить, что вновь созданный банк сохранил все деньги. Во второй машине ехал назначенный директором этого банка главный авторитет. И с ним две девицы лет шестнадцати. «Видишь, каких дочек вырастил!» – сказал новоявленный директор, когда рассаживались по машинам. Дочки эти тоже были знаком к примирению. Если бы хотели расправиться, то зачем тогда брать с собой этих очаровательных прелестниц. Коса была всегда твоим любимым местом на земле. Так много было связано с этими первозданными песками, с высокими дюнами, с квадратами переплетений на них – вроде игрушечных заборчиков, охраняющих пески. Увы, существовала вечная угроза передвижения песчаных гор. В прошлом были и песчаные бури, и занесённые песком деревни. В твоей юности об этом мало задумывались, когда со смехом и криками катились с песчаных вершин дюн в залив. Тогда не остерегались ничего, даже ждали ветра. Ждали высоких волн, чтобы выскочить на берег моря, поймать момент, когда накатывает масса воды, поймать большую волну, дать ей схватить тебя, дать волочь гибельно навстречу неизбежности, а потом вырваться в последний момент. Ощутить себя победителем, с горящим телом выскочить на берег и упасть на песок. Никакой усталости. Бежать, не останавливаясь, вверх по звенящему песку.

Теперь это делали дочери банкира. Длинноногие загорелые нимфы, мелькающие розовыми пятками. Две красавицы с хитроватыми, полными искринок глазами. Никто не заставлял тебя бежать за ними. Мог остаться в ложбине, раскладывать костер, готовя шашлыки. А теперь вот задыхался, пытаешься не отставать от девиц. Подъем казался бесконечным, пески волнообразно тянулись от леса к прозрачному, дрожащему от зноя небу. Песчинки так же звенели под ногами, так же были первозданны и чисты, как в годы твоей юности. И сейчас тебе тоже хотелось легко

бежать вверх, но ты вдруг почувствовал, что ноги тяжелеют и тебе не взобраться на вершину дюны, не съехать по ее склону к заливу. Сжало всё внутри, и ты по инерции ещё передвинулся на несколько шагов и застыл, наблюдая, как растворяются в мареве тонкие фигурки девиц.

И оттуда – от дюн, от залива возвращались к лесу уже свершившие свой поход. Цепочка людей, обвешанных фотоаппаратами. Среди них мелькали знакомые лица. Они кивали тебе, что-то говорили, а ты не мог расслышать, в голове стоял гул. Они улыбались, подмигивали. Это были аспиранты твоей кафедры, бывшей твоей кафедры. Что-то недоброе было в их взглядах. Ты догадался: они осуждали тебя – задыхающегося, они увидели в тебе похотливого сатира, не рассчитавшего свои силы в погоне за юными прекрасными созданиями.

– Это дочери моего товарища, это дочери банкира, – пытался объяснить ты.

В ответ недоверчивые улыбки, кто-то навел фотоаппарат, ты заслонился рукой...

У костра сидели долго, пили вино, ели сочные шашлыки. И девицы хохотали без умолка. Потом поставили палатку, и банкир сказал извиняющимся тоном: «Старик, их только двое, надо было тебе самому позаботиться. Но если хочешь, могу уступить, а то давай на пару...»

Ты расхохотался, смеялся над собой – сколько можно позволять надувать тебя, всему ты верил и веришь. Ничего они уже от тебя не хотели, всё у них было сговорено заранее...

Ты успел на последний автобус. А ведь уже тогда, на косе, мог бы высказать им всё начистоту. У тебя уже были такие документы и сведения, против которых они были бессильны. Ты всегда слишком долго раздумывал, прежде чем совершить действие. Скандал ведь мог быть сочтен за обиду – не досталось девицы, вот и вспыллил...

В отношениях с женщинами ты всегда чувствовал себя виноватым. Начиная с той, самой первой, школьной любви. В том, что её постиг страшный конец, есть и твоя вина. Почему не остановил её, почему дал ей уехать, обрёл на одиночество, не отвечал на её письма? В них ведь был крик о помощи. Она задыхалась в провинциальном городке, в школе, где дебилы не вынимали руки из карманов и гнусно сопели на её уроках. Потом один из них попросил и обрушил топор на голову своей несбывшейся мечте и сжёг её вместе с дачей.

И вот теперь здесь, в рекламном буклете, она предлагает свои услуги, открывая взору самые интимные позы. Теперь она доступна каждому, у кого есть деньги. Конечно, это она. Не могут родиться на земле столь похожие друг на друга женщины. Только в том случае это возможно, если здесь, на островах, совершенно другой мир. Здесь чистилище. Затаились, ждут того, что не сбылось, все, кто отринут и смят прежней жизнью. Всем воздастся.

Тогда почему же медлишь? Спустись вниз, потребуй Вомен. Набери ее номер и, если она не занята... Конечно, нет, она ждёт, ведь в городе почти никого не осталось. Но почему она должна остаться? Она ведь тоже могла сесть на паром с названием «Вестфалия», там, на пароме, так легко найти клиента, там есть отдельные каюты. Лёгкое покачивание на волнах возбуждает одиноких путешественников. В каютах-люкс невозможно и глупо засыпать одному на просторном ложе...

Ты высовываешься в окно. Пронзительный свет луны вырывает из темноты твою седеющую голову. Ветер перебирает листву, и тени деревьев со всех сторон набегают на стены отеля. Никого ты не решаешься искать. Ты хочешь, чтобы

она сама тебя позвала. Этого не будет. Полнолуние совсем не подходящее время для любовных утех. Любви больше подходит мерцающий свет звезд. Сегодня их затмила луна. Приходится почти всем туловищем вылезти из окна, чтобы, удерживаясь за створки, разглядеть на небе дрожащие точки. Окна выходят на север. Но невозможно найти знакомые очертания Медведицы. Странное небо, как будто попал в южное полушарие. Конечно – вот же видится звездный крест, только его и можно различить. Холодок пробегает по телу...

Прохладная ночь проникла в гостиничный номер. Пора закрыть окно. Но тогда ты отгородишься от пространства, и никто уже не сможет ответить тебе. Пусть будет открыто. Натягиваешь на себя одеяло. Веки давно уже отяжелели, и ты сразу проваливаешься в тёмное небытие сна. Тебе снится, что душа твоя покинула тело и ты наблюдаешь себя самого. Ты видишь человека, сидящего в кресле в номере гостиницы и читающего газеты. Прочитанные листы летят на пол. Но тотчас возникающий совершенно неслышно вислоухий почтальон подносит новые. Остро пахнет типографской краской, похоже, эти газеты доставляются моментально, прямо из типографии. Человек, читающий газеты, никак не реагирует на те сообщения, что бросаются в глаза. Ты тоже их читаешь. Мелькают твои портреты, фамилия в черной рамке, сообщается о времени панихиды. Всё так, будто умер человек, много значивший в этом мире. Рой подписей. Ты и сам не раз подписывал такие некрологи. О мёртвых или ничего, или только возвышенное. И всё-таки любопытно читать, что ещё можно выдумать о себе. Иконописный портрет слагается из давно забытых заслуг. Твои матрицы не такое уж открытие, докторская добыта долгим трудом, уход в коммерцию – это не подвиг, это скорее предательство. Подписи таких людей, коих ты и в лицо не знаешь, просто в данный момент они занимают важное положение на иерархической лестнице. Они перечисляют твои награды. Бронзулетки из прошлого. Была такая эпоха, когда медали раздавали почти ежегодно. Теперь их можно нести на подушечках. Медали они найдут в тумбочке. Но откуда они возьмут тело? Впрочем, всегда можно найти в морге. Всякий раз там лежат неопознанные, невостребованные. Если не всматриваться в лица – все люди похожи друг на друга. Можно намалевать подходящие глаза и губы, призвать косметологов – и всё в порядке.

Так рассуждает твоя душа во сне, а тело медленно остывает, и газета выпадает из рук. Но ты уже независим от тела, ты продолжаешь читать газету, лежащую на полу. И вдруг тебя словно током ударяет короткое сообщение. В далекой Молдавии – автомобильная катастрофа, среди пассажиров «Фиата» фамилия и инициалы той, с которой ты прожил большую часть своей жизни. Может быть, это просто совпадение, думаешь ты, но, увы, нет, ибо дальше разъясняется, что это твоя бывшая жена. Бывшая – эпитет не для неё. Даже не выдержав, даже устав от всего и уехав к матери, она продолжала существовать в твоей жизни, и сам факт её существования сохранял надежду на возврат к тому времени, когда тебе не нужно было обустривать страну, когда тебе ничего не нужно было, кроме неё и друзей. И вот теперь человек, который любил тебя и которого так любил ты, не существует. Весть об этом поражает сильнее, чем собственные некрологи. А вот и ещё – более подробное сообщение – оказывается, она была не пассажиркой, напротив, это она сидела за рулем в «Фиате», который выскочил на встречную полосу и врезался в бензовоз, есть даже снимок – пылающий факел на дороге. И ты теперь отчетливо осознаёшь, что её смерть последовала сразу за

твоей – это случилось, судя по датам на газетах, через два дня после публикации некрологов на твою персону. Значит, она не захотела жить на этой земле без тебя, и ты – косвенный виновник её смерти. Если бы ты не скрылся, не стал метаться среди островов – никто не посмел бы заживо хоронить тебя. А теперь те, кто хотел, чтобы ты исчез, зафиксировали твой уход. Она прочла – и, возможно, гнала машину на вокзал или в аэропорт, и глаза её были затуманены слезами. Всё-таки семь лет вместе, худо или хорошо, но успели срастись души, жить без тебя она не хотела. У неё не оставалось надежды. Ты, а вернее, твоя душа, понимает весь ужас происшедшего. И эта душа врывается в безжизненное, вяло осевшее в кресле тело. Пот выступает на твоём лбу, и ты просыпаешься от резкого трезвона телефонного аппарата.

Голос в трубке так знаком, так привычен, но невозможно разобрать слова, в них нет никакого смысла – чужой мурлыкающий язык, и наконец ты разбираешь только одно слово: факен, факен...

Международное нелепое слово, столь чуждое для обладательницы родного голоса. Плевать на это слово. Лишь бы не умолкал голос. Голос, стирающий бред безумного сна.

– Говори, говори, не прерывайся! – кричишь ты.

И радость заполняет тебя – сразу спала тяжесть, стало так легко внутри, будто качнули в тебя освежающий озон. Ты лёгкий, как дирижабль. Сейчас ты сделаешь движение руками и поплывешь в ночи навстречу голосу. И никакой автокатастрофы. Никаких факелов на дороге. Ты невиновен. Она жива, она нашла тебя.

Теперь она притворяется, предлагает себя на мурлыкающем островном языке. Она думает, что ты легко клюнешь на приманку. Она проверяет тебя. Всегда в жизни она подлавливала тебя. Чтобы застать врасплох, подстроила и этот сон, и некрологи, и сообщение о своей гибели. Она умела вторгаться даже в сны. Приставала всегда – расскажи, что ты видел, почему стонал. Ударили. Не верю, это были стоны сладострастия, расскажи, как всё было, с кем ты был. И добившись своего, надолго замолкала. Мучила этим своим молчанием, этим презрением к тебе, слабовольному, не властному над своими снами. Ведь сны – это тоже продолжение жизни. Хотела, чтобы принадлежал ей и в снах. Отстаивала свое единоличное право на тебя. Всю жизнь носила на лице маску, изображая вычитанную в детстве из книг принцессу, лишённую трона, обиженную и униженную. И в то же время была предана тебе, верила только в тебя. И согласилась даже на то, чтобы вложить все ваши сбережения в фондовую биржу. А там проглотили и не заметили. Какая отдача? Какие прибыли? Растащили вмиг по карманам. Ни словом не попрекнула. А потом резко всё изменила – и исчезла, рванулась к маме, разуверилась во всём... Но ведь сейчас, когда всё поставлено на карту, когда решается – жизнь или смерть, сейчас примчалась...

– Ты понимаешь, как всё серьезно! – кричишь ты в трубку. – Прекрати игру! Мы на волосок от гибели!

– Телефонирен мих, – залепетал голос, – номер цвай унд цванциг, цвай унд цванциг...

– Да прекрати же! Я ведь всё равно узнал тебя! – кричишь ты.

Но в трубке уже звучат длинные гудки. Всё – связь оборвалась. Что она говорила? Какой-то номер – двадцать два, двадцать два. Ты ещё не включил свет, цифры на диске не различить, и луна скрылась за крышей здания. И нет её про-

зительного сияния, которое кружило голову и заставляло стыть кровь. В темноте никак не найти выключатель. А может быть, его и вовсе нет на стенах. Но ведь есть настольная лампа, есть торшер – куда они подевались? Легче растворить дверь. Коридор заполнен мягким зеленоватым светом. Теперь можно всё разглядеть. Конечно, никакого выключателя на стенах нет, зато рядом с телефоном настольная лампа. Яркий свет её вырывает из темноты карту островов – крестом обозначен путь паромов. Должны были это заметить. Возможно, спасение в этом номере состоящем из четырех двоек. Ты набираешь их – никаких гудков. Или это обман, или её очередная выдумка. А скорее всего, надо набрать перед номером девятку – обычно она даёт выход в город. Но и с девяткой ничего не получается. Значит, есть ещё цифра – для отеля, у каждого отеля свои цифры.

Ты поспешно спускаешься вниз по деревянной лестнице. В вестибюле – пустота. Никто не охраняет вход в отель. Это не в твоей стране, где для прохода в гостиницу нужен пропуск. Кому охота рваться сюда ночью, здесь и днем в городе почти нет людей. Ты садишься в глубокое кресло, ноги твои не в силах удерживать груз тела. Глаза слипаются. Сердце тяжело бухает. Это стресс, надо успокоиться. Ты же всегда, в любых ситуациях оставался спокойным.

И вот наконец распахивается дверь дежурной – в проёме проявляется золотокудрая красавица. Тело её пышет жаром, ямочки у локтей притягивают взгляд, мягкая улыбка говорит о готовности сделать всё для гостя отеля. Она мягко опускает руку на твое плечо. Как ей объяснить, что тебе не нужны её объятия, как не обидеть её? Ты пытаешься рассказать о твоей бывшей жене, о её причудах, о телефонном звонке.

– Телефонирен, телефонирен, – понимающе кивает дежурная и протягивает тебе всё тот же красочный каталог.

Он раскрыт на том месте, где изображена женщина, так похожая на твою школьную пассию. Возможно, это она и есть. Её не убили на даче, она просто уехала на заработки. Но ведь возраст, соображаешь ты. Это, скорее всего, её дочка. А может быть, и твоя тоже. Тогда её надо выручить. Надо срочно увезти отсюда, с этих затерянных островов. Номер телефона под снимком тоже сплошные двойки, но есть ещё и семерка. А если жена воспользовалась её телефоном? Ведь они же двоюродные сёстры. Сердце твоё сжимается так, что не продохнуть.

И в этот момент ты слышишь, как начинают бить колокола. Для созыва на утреннюю службу ещё рано, да и бьют они подряд, будто скликают на пожар. Дежурная бросается к входной двери, распахивает её. Бой колоколов заполняет все вокруг. Ты пытаешься что-то спросить, но твой голос уже не слышен. Вы выскакиваете на улицу.

В рассветных сумерках скользят мимо вас беззвучные тени. Откуда столько людей? Поток устремляется к причалам, вы пытаетесь остановить кого-либо, чтобы узнать, что же случилось. Наконец один из них хватает за руку женщину из отеля и что-то кричит. Так это же тот матрос, что так похож на Кирилла! Теперь вы бежите втроем. Из их слов понятно только одно: «Вестфалия». Это название парома, на который ты опоздал. Бой колоколов становится всё громче, всё тревожнее. Вы выбегаете на набережную. Плотный слой тумана повис над морем. Люди, натыкаясь на ограждения, останавливаются. Слышны чьи-то рыдания. Шумные всхлипы. Будто это и не человек, а огромный кит, выброшенный прибоем и хватающий широким ртом воздух. Наконец всхлипы прекращаются, и

на смену им приходит пронзительный плач ребенка. Со скрипом раскрываются ворота, ведущие в порт. Люди в форме отбирают из толпы несколько человек, ты и матрос в их числе, вас проталкивают вперед, туда, к набережной, где прямо на пирсе ты замечаешь белые холмики. Смолкают колокола. В тишине ещё более отчетливым и пронизывающим становится плач ребенка. Так призрачно и хрупко всё в это туманное утро. Ты хочешь, чтобы это было сном. Чтобы сон прекратился. Но тебя подталкивают к белым холмикам. Это покрытые простынями трупы. Матрос пытается объяснить, что хотят от тебя люди в голубой форме. Он не может вспомнить нужного слова. Знать, говорит он, и ещё добавляет – знать, кто есть. Опознать, понимаешь ты. Все пришедшие на пирс соединены общим горем. Люди не успели привести себя в порядок. Женщины в халатах, волосы растрепаны, мужчины в майках. Несмотря на прохладное утро, повсюду острый запах пота. Ты тоже вытираешь лоб, холодные, как роса, капли. Рука матроса на твоём плече, ты видишь совершенно отчетливо розовую припухлость на его запястье. Кирилл, – окликаешь ты его. Он пожимает плечами. Он говорит, что всё надо узнать. Почему это требуется сделать тебе – ведь ты, наверное, единственный среди этих людей, кто почти ничего не знает.

Матрос с трудом подбирает русские слова. Не из слов, а скорее из его жестов ты понимаешь, что случилось несчастье, что затонул паром «Вестфалия». Тот самый паром, на который ты не успел. Ты обязан был на него попасть. Это было бы самым желанным для тебя выходом. Но пострадали другие, ни в чём не повинные люди. Предчувствовали ли они свою судьбу? Понимали ли, как опасно отправляться в путешествие в полнолуние? Паром вмещает сотни пассажиров. Здесь же, на набережной, не более десяти. Где остальные? Неужели их всех поглотили ночные воды? Сентябрь, вода уже успела остыть после летних дней. Умирают не от того, что не могут выплыть. Есть нагрудники – они удержат на воде. Умирают от страха или переохлаждения. Страх за собственную жизнь всегда губителен, он отнимает разум. Для того же, кто ищет смерти, даже холодная вода – манящий и не самый страшный исход. Ты мог быть там, на пароме. Кому нужно было оберегать тебя и отнимать эту возможность обретения последней свободы? Но нет, оказывается, всё не в твоей воле. В этих водах уже тонул когда-то паром – сотни жизней унесла та катастрофа. И теперь были готовы все – и команда, и пассажиры парома к борьбе за жизнь. Об этом рассказывает один из полицейских, знакомый матроса. Нет, нет, люди не погибли, люди сели в шлюпку. Почему в одну? Был сильный крен, объясняет матрос, пассажиров было мало, они поместились в эту единственную шлюпку, которую успели спустить на воду. Набилась полная шлюпка. Их ждут. А эти под простынями? Их выловили катера, они не утонули, потому что были в нагрудниках. Но они мертвы. Слишком холодной была вода. Вас по очереди подводят к ним. Открывают простыни. Это не умиротворенные лица мертвецов. Ужас сковал их черты. Последние длящиеся крики отчаяния скривили рты. Ты не хочешь вглядываться в лица. Ты понимаешь, что тебя не случайно избрали из толпы. Ты должен кого-то опознать. А вдруг это она? Ведь сон твой был в то время, когда тонул паром, когда крики отчаяния носились над морем. Тебе подавался сигнал. Ты должен был сразу же осознать, что грозит ей. Она не раз спасала тебя в жизни, а ты единственный раз не смог ничего сделать, когда пришёл твой черед.

И вот полицейский с силой тянет тебя за руку. Открывается одна простыня за другой. Смотри внимательно, говорит матрос. Нет, это всё мужчины, большинство из них почти старики. Перед одним из них тебя останавливают. Он моложе всех. Ты невольно вздрагиваешь. Это же твое лицо. Черты, искривлённые ужасом. Лежащий похож на ту фотографию, где запечатлен ты, играющий в регби за институтскую команду. До сих пор в тебе живёт та боль, которую пришлось преодолеть – у тебя было сломано ребро, но заменить тебя было нечем. Там, на фотографии, у тебя так же оскален рот, ты приготовился принять удар на себя.

Кто он, лежащий здесь на пирсе, кто он? – допытываются у тебя. Наме. Имя, фамилия. Брудер? Брат? Да, соглашаешься ты. Теперь надо заплакать, закричать. Но всё сковало внутри. Ты отчётливо произносишь свою фамилию. Полицейский что-то записывает в блокнот. К тебе подскочил фоторепортёр. Матрос заслоняет тебя, он видит, что тебе это неприятно. Он думает, что тебе надо сейчас попытаться пережить несчастье. А тебе надо просто скрыться. Ты смотришь на запястье матроса. Потом тебе в глаза бросаются руки погибшего. Синие раздробленные пальцы. Такие же и у остальных.

Как теперь им жить, спасшимся на шлюпке? Как быть тебе, уже вычеркнутому из сонма обитателей земных? Необходимо сесть на паром. Но говорят – паромов не будет, пока не обнаружат и не приведут в порт шлюпку с «Вестфалии». Люди на пирсе не расходятся. Там, в шлюпке, их родные, их друзья.

Общая усталость овладела людьми. Рассаживаются на взгорье перед портом, полудремят, уткнув головы в ладони. Никто уже не хочет обсуждать событие. Томительное ожидание не приносит ничего. Катера бесполезно обшаривают район гибели парома.

Ты уходишь от толпы, идешь вдоль берега залива. Солнце бликами отражается на спокойной воде. К полудню прогревается и море, и окрестный берег. Шлюпка ещё не скоро придёт, догадываешься ты. Они, спасшиеся, сейчас, наверное, скрываются в одном из фиордов. Они хотели бы войти в порт, когда ступит мгла вечера, хотели бы пристать в темноте, чтобы никому не смотреть в глаза. Ты тоже спасшийся, но ты затаился, ты хочешь перехитрить судьбу. Но ты уже понял, что не можешь управлять ею. Те, кто спаслись в шлюпке, выжили за счет жизни тех, кто лежит под простынями на пирсе. Прежде чем погибнуть, они цеплялись за шлюпку, они вопили, они просили помощи, а получали веслами по рукам. Шлюпка была переполнена, люди могли спастись, только оттолкнув тех, кто рвался в неё. А ты бы смог так поступить? Бить веслом по судорожно сжатым пальцам, видеть, как захлёбываются в воде твои спутники по парому, мог бы? Чем ты лучше тех, которые спаслись? Они ждут темноты. Ты же решил ничего не ждать. Захотел тихо уйти. Не для этого ты спасен. Не для этого в завтрашних газетах среди погибших будет указано твоё имя. Потом, может быть, хватятся, уточнят, но важно это первое сообщение. Его прочтут твои бывшие коллеги, они успокоятся и будут уверены, что опасность миновала, что зло не всегда наказуемо. Никто уже не будет знать номера их счетов, они переждут и начнут сначала. Найдут такого же чудака, как и ты, будут кричать о благе народа. Зло всегда прикрывается добром. И как различить их – добро и зло? В тени дерева погибают травы, животных закалывают, чтобы усладить других животных, вставших на две ноги. Смерть одного во благо другого. Без зла не узнаешь, что же это такое – добро. Ты можешь сделать доброе для себя, ты можешь стать об-

ладателем больших денег и особняка на Канарах – но для других тогда, кем ты будешь для других? Ты никогда не сможешь вернуться и посмотреть им в глаза. Твой крик о помощи был услышан, и ты не имеешь права делать вид, что спасён случайно. У тебя достаточно денег, чтобы взять обратный билет.

Ты отлично понимаешь всё это. Идешь через толпу к кассам. Собираешь весь запас английских слов. Кассирша удивлена. Она говорит очень медленно, выделяя каждое слово. Разве вы не будете хоронить брата? Ты пытаешься объяснить – это не мой брат. Братья, все братья, – говорит кассирша. Она явно не поняла тебя или не хочет понимать. Ты опять повторяешь название того порта, куда обязан вернуться. Кассирша показывает пальцем на противоположную стену. Там на многих языках и даже на твоём родном – яркими светящимися буквами: «Обратных билетов кассы не выдают». Ты стоишь и смотришь на нелепую надпись, оглушенный плотной тишиной.

И в это время раздаются крики на пирсе – это патрульные катера ведут на буксире шлюпку, переполненную теми, кто спасся. Ты не понимаешь слов, но явно чувствуешь в них и радость, и ненависть одновременно.

Олег Борисович Глушкин родился в 1937 году в городе Великие Луки Псковской области. В войну был эвакуирован с семьей на Урал. После возвращения из эвакуации окончил в Великих Луках среднюю школу. В 1960 году окончил Ленинградский кораблестроительный институт и приехал по распределению в Калининград. Работал на заводе «Янтарь» докмейстером, выходил в рейсы на рыболовных траулерах механиком-наставником.

Повести и рассказы публиковались в московских и ленинградских журналах и альманахах, переводились на немецкий, польский, литовский языки. В 1985 году принят в Союз писателей СССР. Член Союза российских писателей, Русского ПЕН-клуба. Издано 27 книг прозы.

В 1990 году избран председателем Калининградской писательской организации. Стал главным редактором журнала «Запад России». За вклад в развитие культуры Калининградской области и расширение контактов между российской и европейской культурой удостоен диплома Канта (2000). За просветительскую деятельность в 2004 году награжден золотой медалью «За полезное». Удостоен премии «Вдохновение» за книгу рассказов «Пути паромов», премии «Признание» за роман «Саул и Давид». Лауреат ряда международных конкурсов. В течение десяти лет руководил литературным объединением Балтфлота. Избран Сопредседателем Союза российских писателей.

